

БРАТ
GRIMM

Эберхард Хефнер;
Ульф Штольтерфот

СИНДРОМ: ЖАРГОНЫ

БРАТ
GRIMM

Хефнер; Штольтерфот

Синдром: жаргоны

**Б Р А Т
GRIMM**

Эберхард Хефнер;
Ульф Штольтерфот

СИНДРОМ: ЖАРГОНЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

с немецкого
Сергей Морейно

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

В основе книги лежат издания
Eberhard Häfner. *Syndrom D*. Aufbau-Verlag, Берлин и Веймар 1989
Per Anhalter durch den Verstand. Allitera Verlag, Мюнхен 2011
Ulf Stolterfoht. *fachsprachen I-IX. holzrauch über beslach*.
Urs Engeler Editor, Базель, Вайль-на-Рейне и Вена 1998, 2007

Эберхард Хефнер; Ульф Штольтерфот. *Синдром: жаргоны*.
Русский Гулливер, Москва 2018. – 114 с. (16+)

The translation of this work was supported by a grant from the Goethe-Institut
which is funded by the German Ministry of Foreign Affairs
Издательство и переводчик благодарят Дом переводчиков Looren

[lo:rən]
Translation House Looren

Вадим Месяц – руководитель проекта
Сергей Морейно – составление, перевод
Франциска Цверг – консультации
Алда Бароне – редакция
Лаура Лацберга – фотография на обложке

Слово как дополнительная степень свободы или, напротив, несвободы; добавленная или отнятая размерность – упоительное слово с Востока, слово-фетиш, слово-самоцель против небрежного броска, незаметного паса трезвого, прагматичного слова с Запада. Если Дурс Грюнбайн или Уве Колбе изживают и трансформируют мифологию несуществующей больше Демократической республики, а, скажем, Томас Клинг или Освальд Эггер создают свой собственный миф – космогонию бывшей ракетной станции, – то Хефнер ищет частное в общем: разбивая вселенную на слои и проекции, исследует затем их частицы и кванты на предмет содержания общей красоты и гармонии («Вдыхаю ее свет, пока она летит красное вино на крыши»)… Штольтерфот komponiert окружающий мир «обратно».

© Eberhard Häfner: *текст*, 1989–2014
© Ulf Stolterfoht: *текст*, 1998–2007
© Сергей Морейно: *перевод*, 2018
© Laura Lăcberga: *фото*, 2012
© Русский Гулливер: *издание*, 2018

ISBN 978-5-91627-198-2

ХЕФНЕР, ШТОЛЬТЕРФОТ —

немецкие поэты, magistri ludi, теоретики странного, издатели непривычного. Ульф Штольтерфот (род. 1963, Штутгарт) достаточно знаменит в Германии. Значение Эберхарда Хефнера (род. 1941, Штайнбах-Халленберг) не выражается в количестве премий и стипендий.

* * *

Э. Хефнер рос в Тюрингенском Лесу. По образованию медных и серебряных дел мастер. До 1987 в Эрфурте занимался реставрацией церковной утвари, затем — уже в качестве свободного художника — переехал в Восточный Берлин. В течение многих лет редактировал журнал для библиофилов «Сердечный приступ» [Herzattacke]. Стипендии Ингеборг Бахман (1989), Альфреда Деблина (1991, 1992, 1995), Культурного Фонда новых федеральных земель (1994, 2007), Берлинского сената (1994, 2007). Поэтическая премия города Мерано [2018, Lyrikpreis Meran]. Среди книг: «Синдром Г» (1989); «Подкожная позолота» (1993); «Время — одинокий монстр» (1998); «Просветленный пейзаж» (2003); «Канифоль для скрипки» (2003); «Увиливая» (2008); «Автостопом по разуму» (2011); «Каменная грамматика» (2014)... После прохождения альтернативной службы У. Штольтерфот изучает в Бохуме и Тюбингене германистику и общую лингвистику. Публикует лирику и литературно-критические эссе. Приглашенный профессор в Немецком

литературном институте в Лейпциге (2008–2009, 2013).

С 2014 член Немецкой академии языка и поэзии, Дармштадт. В 2015 создает издательство *Brüderich Press* [«Бридер Пресс»] с лимерическим девизом «весьма высокая цена за трудные книги». Премии Эрнста Майстера (2003), Хеймрада Бекера (2004, 2011), Анны Зегерс (2005), Петера Хухеля (2008). *Preis der Literaturhäuser* [2016, Премия Литературных домов]. Живет в Берлине. Книги: «жаргоны» I–IX–XXVIII–XXXVI (1998–2009); «древесный дым над хеслахом» (2007), «новый иерусалим» (2015).

* * *

«Детский сад, напыщенный однако», — так, по словам Димы Драгилева, говаривал Алексей Парщиков о том или ином лирическом современнике, живущем по соседству. Определение резковатое, но — не в последнюю очередь благодаря легко узнаваемой парщиковской интонации, — меткое и емкое. Впрочем, это проблема (если, конечно, это вообще проблема) скорее особой эпохи, нежели отдельной культуры. Возможно, вышеупомянутая характеристика связана с определенной системой внутренних табу, отчасти напоминающих запрет Синеи Бороды не отпирать маленькую комнатку в конце коридора (хотя ключ предоставлен в распоряжение). Или либеральную веру в ректификацию «золотого правила нравственности». Возникает вопрос о вероятной приложимости к иным текстам и их посылам сакраментального *that's not my war*. Можно предположить, что в «демилитаризованную зону» попадают и русские строки, содержащие в себе слова, означающие боль, гнев, удар, смерть, но не содержащие соответствующих означаемых. Вроде этих: «...все-таки позволь мне напомнить:/ ты готов?/ к мору, гладу, трусу, пожару,/ нашествию иноплеменных, движимому на ны гневу?» — или, к примеру, этих: «черный парус приносит наживу,/ красный — потомство./ в белый саван

уткнувшись приходят враги и недолгие гости...’ <...>
Выбор вышеназванных нижепереведенных ‘долгих гостей’
из Германии обуславливается, в частности, тем, что их
строки расположились как раз вдоль границы зоны. Они,
так сказать, занимают позицию на семантическом КПП
Чекпойнт Чарли, демонстрируя умения просачивания или
проскальзывания как вовне, так и в обратном направлении:
вовнутрь. Это, грубо говоря, лингвистические трикстеры
и каскадеры. Их речь не складывается из фигур, но сама
представляет собой фигуру (фигуры). Фигуры дивные,
смешные, иногда напыщенные, порой пугающие, однако
из тех, что не выставляются в детских садах даже самыми
безумными воспитателями. Тем не менее с завидной
регулярностью приходящие в наши сны, причем ко
многим — с самого детства: когда не из Зазеркалья, то
откуда-то из Пара- или Метазеркалья». [Сергей Палабо,
«Демилитаризованная зона поэзии»]

* * *

*Пара слов об особенностях перевода — о переводе
особенностей. В каждом конкретном случае любого
отдельного стихотворения можно стараться учесть
все намеки, все аллюзии, все каламбуры, разобрать по
косточкам контекст, а после обрызгать его мертвой
водой, живой водой... Но мистифицирующая природа
самих текстов такова, что с какого-то момента можно,
пожалуй, начать врать самому: прививая дичку на яблоню,
не забывая, впрочем — и это главное! — остановиться.*

Ульф Штольтерфот

белена: наш клан предписывал ее исключительно как шаман, как средство для камлания, трипов в нигде – ни один акцептор не был бросаем в беде. (прямые умы под веществами иными, нитредло, альбедео. но гриндеров еще нет и в помине. всё те же голоры расширяют узус.) а узус акцептор-донор были доволь-но тесны, им предлагалось быть тесными, что полагалось

естественным. процесс не отклонялся ни на йоту: акцептор бывал измерен, в земле рылась яма и заполнялась по горло акцептора. в силу этого донором дозируется отвар. гемато-энцефалический барьер преодолевается почти без пут. алкалоиды фактически жгут. лицо приобретает красно-бурый цвет, уши глохнут, глаза обыкновенно слезнут. вог тут-то

случается физический дискомфорт. светило гаснет, звери про-низывают возлух, образы переполняют лес. лирическое «я» акцептора стерто, однако и прозаическое «ты» донора слегка размыто. как следствие убегающая строка. оба начинают вздрагивать, сыто инкорпорируясь. счастливо этаблируясь, желая скорейшего возобновления полета. и всё начинается

сызнова: я-ты-конструкт взыскует неискушенного «ты», так превращаясь в «я», взыскует «ты» – пока целый клан не воплощался в абсолютное «ты». а там беспокоиться уже было не о чем: всё в некой степени являлось всем, любой самому себе выказывал нежность, и ни разу взвар не оказался стыл или густоват. напротив, явно стоил затрат.

рвотный орех: действие растения вкупе с приготовлением жидилось на всех ингредиентах. их мы принимали довольно часто и наслаждались чрезмерной редакцией: непроизвольные судороги при полном сознании, сенсорная чувствительность, обострение реакций, хорошее понимание германа броха – что еще было там: гельдерлин затлера, беккет в переводе эвы гессе, аутракционы

и баснописью, дилан томас в версии эриха фрида, все работы клауса рамма и, *sicut dicitur est*, остенд-роман манфреда эссера. итак, что я лично видел под чилибухой: иная эва гессе, пол тек ака г-н боджанглз, крашенки в коляске, сай твомбли в городе. дитер рот в кунстферейне. время от времени мы не принимали приема всерьез. тем не менее, уши не лгали: кэп бифхарт. па убю. зе х.

и фердинанд с папкой пвх. тем круче, чем левее. чтили «панк-зин». накручивали куртки из джинн. почти всем в ухо лезли волосы. это было вроде эпохи полей чудес. хардкор отключал в бад-канништатт. еще и еще пустые аптекарские бланки в колоде – ах, когда бы нам чилибухой отоварить их! заночевавших на станции, на кафельных плитках, желтевших во мгновение ока. нет, них некому говорить.

одни мы, дергаясь, падали в травы, полные дреды снов и отравы. орех немного горчил на вкус. швиттерс в чем-то превзошел ханса арпа, луг в отношении поющих был поделен, гари глиттер так и не оправдал своих заслуг. итак, читаю сегодня у джона пила, статус кво якобы крут как комбо, олдскульный запил никого не тешит, и так я пробую принять к сведению: непьющий, скромный, подсевший.

[датура]

дурь-трава: уже с первой затяжки во все тяжкие, потом постепенное отупение, руки безвольно виснут, на губах цветная пена. дыхание учашено, бедра сводит нещадно. несчастный то сидит на измене, то судорожно пускает сопли. колики, вошли, внезапно глубокий сон. по пробуждении он рапортует о трипах в забытье и терках со старым бензе. сначала звучало ого как, симульганно-таки небезопасно. на углу витхощафель и ванненштрассе размещался сквер с индюшачьим вольтером, вот там-то самцы и пожирали заразу. реально впадая в транс. чем, собственно, довели. и ни разу, ни разу цветы нас не подвели в смысле глюков. медийно-эстетических глюков, глюков энтропийных, увиденного эод итд. мы устроили рядом кибернетический люк, сквозь который мы улетали. не имену понятия, догадывался ли бензе. возможно, что-то подозревал. но, как бы то ни было. куря, мы последовательно теряли чутка эффективности. жевалось, впоследствии даже кололось, пока не настало неслыханное: огненные нам хватало все меньших доз. арсеналы трещали по швам, а кайф вызывало называние вещества.

превратив в лингафонную студию схрон, мы, надев наушники, шептали «дурьдурьдурь» друг другу в уши. грузило конкретно. иные, поймав приход, начинали писать. возможно, лучшие. с завидными карьерами. однако же у подножья олимпа отрекались от корней. всегда одинаково: бензе – да как это? и: примером зелья им служил белый лист. их труд да не будет дописан.

[крокус]

крокус: амок / кома, ишуррия, ювенильная делинквентность – но прежде всего: весьма сильное противорочное. на фронте писчебумажных дел скорее без перемен, остаточное трение. вот что худо: при передозе именно тоπος накладывается на фразу, предотвращая ритмический прогресс. опасения законны / вполне уместны: налицо де-версификация с паразитической вибрацией. параллельное прослушивание квартетов

яначека ведет к акинезии, прямиком в пасторальную амнезию. чтение писания в целом сильнейший антидот, а свод лютеранских хоралов довольно многих извлекал из прострации. к тому же недаром синоду известна благодать трав – в трактатах их крокус неоднократно всплывал – довеском к истории (я в принципе здесь намекаю): есть и пара плантаций в границах бад болль. возможно, безусловно, не более.

нобурга трактует крокус как поцелуй небес. умеренный процесс предложит тебе евангельскую фазу, всегда на грани отсутствия. кто хоть раз сталкивался с припадком падучей, тому понятно, о чем речь. не к ночи. в доме бога жаркое лето, осеннее половосближение, все декабри провести в красном транспорте – при этом отточенное, упругое мышление с трансмиссией до самозабвения. блаженны!

блаженны! и в минивэне развязанные вместе алкаши: руди, пауль, два курта и хайнц. они расписывали прекрасную пулю и увлеченно запыривали в тайнства. это быть парнями из матценбах. их хохум-лойшен жить и поныне. 140 марок в неделю, 3 ходки: понедельник, среда, пятница, им постелено в общежитии ганса сакса. вечерами пятеро устраивались у магштадтской соски во всю глотку драть гимн.

[мускат]

мускат: прежде чем упогребить орех целиком, сосчитай до трех. выбирай, смех или грех: инсулыг или кома. на колени падай, бей челом. гомеопатически, толченный, бывало, по четырнадцать часов кряду раскачивал палубу. а цапануло всех – большинство взаправду писало стихи. что было неслабо в конце семидесятых

в таком районе, как хеслах: для бледных, филоноватых юнцов служили лишь лирика да самопальная музыка дыркой, ведущей наружу из тетто. немногие совершали это без помощи химии, для прочих мускат оказывался панaceей, вставляя не хуже чем бензедрин, легко расширяя сознание, к тому же сравнительно недорогим – он прочно приковывал к столу. однако написанное

далеко превосходило умение. скорее всего, та смело взятая высота оставляла творца в недоумении: он не разумел своей поэзии. его поражала изощренность и непростота. большинство с невозмутимостью продолжало, махнув рукой на проблемы и попросту наращивая дозу, что, собственно, разрешало вопрос естественным образом. другие приходили в себя и

с горя строчили малявы – митрируя, не снискав славы,
в разряд апокрифов – зато остальные, определенно не
самые тушые, выпадали на какое-то время, но уже вскоре
при реталиях возвращались, для их поэзии счастье, но для
души свечи туши. итак, на белый свет хеслах вывел целый
октет корифеев пера. над дюжиной остальных реет мрак.

дурман: он же водопьян, воспоминания о симптомах туманны. постоянные ап-энд-даун. тем не менее, осенних цыплят назову своими именами. подряд: святой витт, истерия, бред – через раз череп разрывался напополам. в хлам! часто сопровождается острой жаждой. кувшин сидра крайне целесообразен. клин клином. но пей с умом. прежде всего, не выводи из себя

официанта. он вроде прозревает жажду другого рода. вообще-то такие вещи лучше делать дома, среда дружественна и знакома, есть, толчок, при этом есть быстродоступный толчок. еще лучше на чистом воздухе. три площадки – проверены и найдены особенно подходящими: короче, мирабелевый сад позади лечебницы на шикхардтштрассе, на круче и под строгим запретом, вход летом

сверху, в ночи. зимой же спортивный спуск на санях. тоже перспективно, еще круче и не менее заповедно: виноградник на гребне холма, с центральным поливом и хатой для барыг. похоже, ее пользовал целый клан. номер три, не столь круто, зато вблизи: монплезир между вальдеком и зонненбергом, рекомендовано для всяческих злоупотреблений: тут бросались

кости под грушу, шеф приготавливал плод, шли косточки лучше всего. но в силу неуклонно растущего насилия тучи стужались. все прочие места порицались, подчас чудовищного разброда и шатания. исключительно из уважения к читателю, я добавлю тройку: бомбоубежище на ребенройте, его небесное темнейшество г-н немсеян и винный погреб в одной капелле. иногда и там нас терпели.

[белладонна]

волья ягода: утрага «я», деменция, финальный отчет – а вновь и вновь закидываешься, с одних-единственных шей: влечет! каждый вечер поешь себе: ведь я мол, в общем-то, поэт и без – но через минуту хлоп и готово. стекает у тебя из уголков черного, слетка запавших уголков рта, течет прямо в грудь, догоняешься будь что будет, в конце концов, атропин шлет мозг в нокаут.

полнейший аут. чреватый стык: вдрут ты ошущаешь лексеми ничтожные. лингвогномы и лингводворфы, звал их б. л. уорф. крохотные созданыца, но тоже с правом и полом. деятельным нравом, нуждающимся, впрочем, в допороговой интоксикации, зато вполне управляемые: стираешь одно / проявляешь другое – правда, при этом блокируешь «мета». и все бы ничего, да

вот беда, совсем ничего. так что увы, искомый сеанс недолог, потом сразу облом, крыша едет. существовала квартирка на мюллерштрассе, звонить соседям, где пережидался остаток кайфа. там шел обмен мнениями об увиденном: совершенно однородные члены, весьма сильнодействующие деспричастия, хитрейшие предлоги, синтаксис крови с собственным пульсом.

каждый видел свое, пусть и похожим образом. предметный солипсизм, расхожая смесь из нового года и пасхи. я здесь резюмирую вкратце. позже образы начинали гаснуть. пути уводили в дыры – следы в точности отвечают обозначениям. позже, в лице прекраснейшего из сообщений, следовал стук в дверь. снаружи на лестнице обыкновенно ждал тип.

вьюнок: эффект дубликации мишени. парящие синтагмы. лиризм. безабзачность. иероглифы топчут серифами. так возникают «лось», «лосось» или «лошадь». ты чудисься себе ростом с ложку. афелий лично пройден: запекшийся рот. настройка на звук «ять». чисто «ять». да: чисто-ять! пышномаясь пес. весьма прилично слез с поводка. полная потеря реальност-и. и пока единственно «и» порождало смысл.

и крошево. вьюнок был баснословно дешев и повсеместен без счета, и оттого в хеслахе никто не бывал отчетлив. царила наглядность. пункт созерцающий: «у ангела», погребок. пришел некто, сел, сидел, да-вась и захлебываясь, гнал побасенки южных штатов, про босюков и сталкеров, про эвентуальный золотой ключик от города нью-орлеана и т. д. — едва ли понятно, даже в конфетках фонетики — но мы обрета-

ли оформленную обертку, чувство счастья и уже не возвращались к стандартному языку. мы прибывали «десять тезисов вьюношеской лирики» к святому кресту, начинали поиск источников. мы слышали о манускрипте, вьюнковом песенном наследии клана. его последнее место хранения: статистическое управление. а после терялся след. скорее всего, в недрах земли эрвин-шёттле. так или иначе, мы всего

не обрели. всего лишь пара строф, не спрашивай, как они сохранились, в том числе и знаменитое «во саду ли, в огороде бузина», с финальным рефреном: «его называли маленький дитмар / одно-ко все говорили большой». непременно любой ребенок из хеслаха на-поет тебе. но это, поди-ка, истинная цена всех качеств вьюнка: ист-леет прежде, чем раскачается. маниакальность просят на сцену.

мухомор: компактный спазм желудочно-кишечного тракта. чудится мутота. полтора года сплошная природа, когда же прозвенел первый звоночек, выявилась готовность не очень: возле строительного балка поутру находим кусок арматуры, штук сорок-пятьдесят нанизанных на нее лягушат, некоторые сучили лапками, казалось железная палка дышала. продолжение ожидалось: поруганная беременная самка

вебря, дурно пахнущая лиса и пр. кудеса – мы глотали грибы и молча помечали поле бойни. думая: а что, такова жизнь волчья. в тот момент грезы и брали верх над нами. шизофрения индуцированная грибами. сквозь лес проходил глубокий разрез. динкелакер версус хобфрой. партии строго разделены. как известно, мачо тащил парию за собой. типичная афазия брока. по крайней мере, в этой

связи эфемерен. но своеобразен с некоторым спектром. мы сгали голыми в унтерзее за добычей и вырубали лебеда из льда. все, что висело, висело вниз головой. и сочилось. за нас взялись рои лесных ос. мы собирали собственную урину как вторсырье, когда выходил мускарин. предупреждения и видения стали видимо неразличимы. при первой возможности меняли сторону, но, будучи среди тех, не

подозревали. а пауль пел вечерами на тюбингер штрассе: о волчке шальке, удали буршей, про земную юдоль ну и все такое. увы, ему швыряли презренный металл, находя жест красивым. он предпочитал бутылочку пива, булькавшую вполне идеально. о сакраментальном костре из сапог я уже отчитался в других строчках, об отравлении строчками и потрясении основ. будь как будет. прокрутим снова.

[девятъ]

девятеро их пало к нам с небес. девять пали. девять, что как пчелы жужжали. как шмели. нас приветить. девять пали. девять. раз — и пиршество наступало для глаз: невероятная двухходовка, на раз заряжает болдом каждый код, да / но эти выделения случайны, достойны отчаянно, а-ритм перед сном с пробкой в шумовом гейте. настоян на перемене мест. зато и пять звезд. пять. два: копирка с обеспеченным черт-и-жом.

прежде всего сей части письмо обязано своей репутацией внутри. эврика. подсечка почти без подрезок. три: кто-то продирается сквозь подлесок. люди поодаль бесполезны. либо утратили свой свет и не поняли этого. печать на бумаге крафт. четыре: стартуем к психоделическому косяку, решушему чуваку, что точнит «чисто стив райх», сифонит сиффон и сам себе верен он. пять: след тащит нас вглубь, за угол. ты же в мире

станешь встречаться с ершом, с нерестящейся лягвой. кому мало того, длиннород кивнет. так — думаю, вам хорошо? так оттянитесь же! шов во шесть: бедовейшая лирика письма. психограмма не выдает на гора ни грамма без ма-. так в том и дело, что закоренело. аналитические стихи легки себе на помине. достойны ли вечной любви твоей? ты подмигни: се есмь! семья: где-то посреди водевила и менестреля они не впервые за-

сели, такие вот афро-ситуевины, юджин чадоорн считал их инаково-юморными. заведомо и поныне, восемь; ступа со звукоизоляции, ласкаво просимо. ситуация предельно доступна. если «хор.» – мы отл.! четыре звезды и пол. девять. программа «аполлонов» на двадцать персон. здесь чывак (почитай раком) на всё забил; бери зубило и молоток, или не спеша. что некоторым ни кашли не помешало. был маниакален их шаг.

клан тестировал оригинальные семы, для связи через канон. горячие ленты слетали с катушек. бобины трескались и устидали сушу. рутина давала надежный шквал фидбэка. единственный незалежный портал был блокирован ночью. воочию в теплом масле шансона. далее вороны, снег по пояс.

первый агент вернулся преображенным. думаю, он думал, что говорил. и видел все это: как мясо горного воздуха шпигует росой туман. как зияют чрева свиноматок. как сочится моча. и место, где купюры вновь закипают многообразием блеска. зрителем вариантов он был, разновидностей магча.

якобы все записано, ничто не забыто, на случай если войне конец. второй, колени разбиты, стерилизованный: он слышал затоптанный звон, склизкий как гриб, как шелк-сырец. рудоносный слой сказания круто шел в гору – но там сидел тип специалист. осолист. шершнелист. он рождал целый мир из своей мокроты.

но это не было ни честной игрой, ни спортом, ради чего их держали в стойле. агентов швырнули в ущелье, следом шесть мертвых енотов. последний решил скрываться, якобы зная причину. тут дукс родил афоризм: молчи обо всем или повредишь матрицу. в качестве инструкции довольно невнятно. хотя и взято девизом.

встречались в обществе хеслахских дам грации, в рядах мужчин писанные красавцы. однако ж не дам молчалием обойти тот факт, что хеслахец осознавал преимущества подхода, придавая излишнее значение уходу за телом (гель). меж тем куафер успел разродиться смешанной барбер-студией. начало смелой прелюдии. на круче просодии

в округе скрипач и трубач торчали круче других. ведь случалось играть в больших городах, где наблюдалась новейшая мода и закупалось – деньги не сильно держались. казалось, что довоенные луперкалии возьмут да и перенесут всех в берлин – настолько стильно выглядели стар и млад. но к сожалению хеслахец даже характером выделялся среди

посторонних: витален, легко возбудим, быстро впадает в раж. впрочем, от мышечной деятельности в стороне. он способен без усталости квазить несколько дней подряд, способен неделю не слезить со стула – в корчме. а еще недавно считалось в порядке вешей, когда на грудь принималось до тридцати немецких пинт (виллибехеров) пива, а то и до сорока. водку пили

из сапожка, однако ж все достигали библейских седин. лишь между прочим на полях: маниакальное аргю во время последней войны недаром служило энigmatическим ключом. не раз хеслахский жарго был вынут из тины, переоснащен и ткал свои паутины. «вообще-то хеслах был о-го-го. ни с табором, ни с обыкновенным базаром сравнения никакого».

жили-были себе во тьме, не понимая, откуда они явились. мотали бобины или практиковали боп. в убежище труба-ча пулс-поп коулман сменил колтрейна. что отвечало духу времени. мы отыграли тюрингию: гера, гота, йена – там пот-ребляли единственно фри-джаз. «это наша музыка» целиком перепета и вычищена, как никогда. тогда стояли тешлые,

нескончаемые лета. в конце сентября по домам швабскими лесами. аудитория сингл и всяма молода. при этом летящие бороды, волосы в дерзком кипении – и да, им хотелось рока. мы переиначили хендрикса, он был мгновенно принят, плата нередко в пингах. обыкновенно здесь была вотчина бохума. настоящая дебилограмма: deser purple и uigah heser – но в

качестве друзей ок, и шпарили на ядреном арго. они задували дюжиной, а мы обычно восьмеркой: две трубы, два тромбона, еще рога, гобои, фагот. кое-что можно сдюзжить, отменно за-пилено в городе кальв: на дни новой музыки – и окончательно в хеслах. январь-февраль с горем пополам и без отмены платы за вход. а так шлифовали звучок, паяли платы, почитывали те-

рию, вот – помню как сегодня – с неба свалилось диско. мы были раздавлены. конец казался нам близким. но после того как первый испуг прошел, мы все вместе присели, спокойны на редкость, и порадели над достойным ответом. первый набросок стили под рабочим названием «аргогичный танцпол». однако следующее лето лишь множило хаос. мы переключились на хаус.

итак: если ты слышишь песнь, то механика текста доведена до. слова сыты смыслом. фраза сверчкам их указывает шестки: синь «кемничера» и смарагдовая плошадка. звено истребителей в бутсах. плюс фюрг-ские штучки. назовем это практичной – или того хуже: артистичной анархией. до сегодня не раскусили как.

ум обладает ходами под. они сквозь надстройки водят вы наружу. сквот боли. панический просцениум. с навесными окнами. встроенные призраки солидарности, но и них можно избавиться от: подшиться к небу, конопатить швы атмосферой, латать дырку дырой: надеюсь недаром прокатит. но, строго говоря, это ничто тебя располагает

к себе. между тем, мозг в своей тиши идет равномерно и верно. показывает мячу пикчу. и вот: прежние времена, голгофа. скотоцригоньевск. мянма. кто шионил хоть раз за тамошними воробьями, тому не личит другой гребешок. краткие заботы в сторону лукоморья, золотые верижки ученого kota: пусть даже в награду семантическая пустота.

а к ночи никакие коврижки – все истекло за давностью нет.
напротив, что экстенсивно давит – индифферентный тип:
«что делая ты к примеру там-то? ничего лишь него?» цвет
мозга, курсивный цитатник сева – весьма раздухарившийся
мышь: «чего ж ты хочешь от пацана!» (мечта коллекционера.
30 копий на ацетате. легкий наброс слева. по спросу цена.)

[есть]

есть еще одна вещь, которую бы надо обкашлять: жуки. они всплывают уже у музиеля. наши однако были лично крупнее, тяжелее, они определенно пре- следовали цели. отлично мотивированные твари, политические хари, одна нога в дискурсе, рыльце в пушку, нередко самцы, маскировавшие себя

под кормилиц. их кротость принималась нами на пушку, в смысле цвингли, лежащий по шею в скипидаре связанный брентц, и о: внутринервное сверло. отважись ли ты узреть душу в бело- снежном жаре пустыни? да замшеют губы твои? да! и красиво тонут города, словно вытекающая вонне

— ты же! ты еще не видал карабанных подземелий: изысканных, охренеть каких узких, ладных лишь для пчел и — может: смиренные жучьи ножки. псиные лашки. головки величиной с рубило. как-то раз в полдень мы нашли их кумирню: ярые парни, с ничего доброго не предвещавшим зубилом, святые котяры у ног. это

было примерно на пасху, негопыри облетали наши
чѣла, а на полу пещеры жалкий фарс. они копошились
при нас как-то иначе, гнуснее, хотя и изысканнее,
у них были точеные жвала. меж тем гнойный форс
начинал вонять непристойно. мы звали это удачей.
и стоит упомянуть ящериц, они отступали достойно.

варфоломей: с налысо выколпченным черепом, в одной руке некая добрая книга, в другой чей-то нож, которым его свежена-ли – он часто с ухмылкой демонстрирует снятую кожу. прамученик. к сожалению, товар штучный. ему поклоняются: журы, офени, профаны хеслаха – сам тип обтанцовывал ковчег. крайне синкретические черты. штаб-квартира благодати: сакральная

точка с елями, над восточным выходом швабского туннеля. шлем обязателен. бери с собой свечку, связку мяты иль флоксов, также хороша дохлая выдра. считается варфоломей простая душа, плетень отца гамлета и патрон анархии (и пиетистских издательств). обученный схизматик и диссидент-дилетант, попадает в науку и застревает. пишет мало и жидковато, скрываясь от дивидендов.

все же в его проповедях есть класс: «против буржуазной семантики и эталонных трюков» – достаточно глянуть хоть раз и ты исчерпывающе подкован. а рядом о бесплезности красоты, о великоколении недомыслия, о беспспорно вопиющем императиве. (предположительно элвис костелло озвучил эти мантры. за что купил, за то продаю. я-то не при деле) и даже если так – так просто его популярность не обо-

сную, разве что задеваю прочие сети: курс сена, борьбу за кусок хлеба, потрясения основ, драму сакко-и-ванцетти. вся эта атлангида духа. я-то снова ни сном, ни духом. варфоломей: прилежен, бес-связен, с расплющенными членами. варфоломей с кофейником, мотив олених на молитве. нютцлихе юде всем нужен. варфоломей с его идеями в перспективе, значок гитлерюгенд из двух скрещенных ружей.

ансельм: в роли изгоя, чья шляпа висит в солнечном луче. нагой у стола, начиненный стрелами. с кровавой секирой (признак культурной сферы). общечтимый и второй из обязательных трех. он перелагает «вой» и в том же году принимает отметину господа. шарф форварда скудно прикрывает бороду, разбитую иконоборцами. таким он когда-то приполз, скорее мертв,

нежели жив, его приветили и началась новая эра. ансельм принес нечто большее, бит. неутомимый политпросвет, пастушья сума под завязку набита колесами. ансельм в роли найденыша, как взрослый опекаемый. ясли фельменштрассе ч. два. док аутенрит три. потенциалный грахт бёмисройте. по самый ботнанг нырял его зов, проходя сквозь цаценхаузен, фейербах, и вглубь в нежный

платтенхарт. все заделались адептами крика, одетыми в фэнси и манчестер. поправившийся ансельм честно жертвовал хеслах за горчицию, но с продолжением учения. после, из ливерпуля, нас настигли обеденные стихи и забавы. упали на плодородную почву. спорынья, польнья, простыня. глен кэмпбелл провел кантри в поспе. краткий икс или игрек. вдобавок внезапно сказала политическая

окраска. тут он приходит назад, тело нетронуто, но мозг раскурочен. в экстазе слюнит, кричит в тельчем восторге и позитивно ничего не помнит. реакция на чтение ферлингетти – как в коме. на олсона слабое мерцание. затем стационар на фургбахштрассе, седативные, с 18:00 жесткая фиксация. там он наконец вышиб двери. кожа до кости. благо без аутопсии. спустя две недели после выписки благовестил.

мефодий: в пончо, перед оливой, ладони прибиты к голове, во рту собственное естество. архидиакон. трестий из тех обязательных. отец не только маниакальной арго-лирики, в большей степени всего арго-искусства. его виды видимо живы, двойственны в лучшем случае. так мы к нему не так справедливы, ибо концепт его впрямую творит реальность

не отображая ее. однако как – знаменитейший контраргумент – отображается в финале не-изображение? в о / торопи: пожалуй, никто не чает. увы! брат кирилл отвечает: ладно ладно, было одно время и т. п. – теперь (юный славянский громил) чуть иначе выглядит: морока с напластованиями. нижний пласт отмарывается, но верхний садится смело. оттого приходится сочинять

мануалы: коротко, мефодично и ближе к телу. чертовски ближе. и вот что я называю – уже дожину лет как записной лирик и клирик энтелера – «броском». на мерингер ландштрассе. дежурный зал предложения, ультрасовременный храм искушения, подчеркивающий архаичную суть братьев. и се со времени уложения не состоялось ни единого чтения, что обошлось бы без вящих серебряных абажу-

ров. беспокойный покойник. извечно максимально готов. нашивал некогда платье. и нечто, называемое твинсетом. портреты братьев суть мыслящий олень, трахающийся тюлень. в реальном училище лерхенрайн. с ними же была их сестра: премудра и деликатна, как дыхание. из-за тем перешла в школу гауфа. пентенридер тоже. это былина и прозрачайшие дни и так ими становились, похоже.

рох: подвижник, боец, столпник. в шесть лет воздвиг свой первый столб, крепкая десятилетиями, невероятный фурор – пока его не распылил разъяренный приор: при довольно чувствительной плоти. однако он сросся, подвергся очередным истязаниям (наука книготорговли) и сделал ноги в город кур на контр-синод. голосовал за «подобие». в результате чего не сподобился. и снова муки, чистая

пытка. о нем напоминает сегодня – угол рейнсбург и хазенберг, наискось от цветов-роланд-эле – фонтан со стелой. найдено видимо пило. впоследствии отсюда залп к финнам: надежные трамплины в оулу. абсолютный бессребреник. прыжок был в его природе, не говоря уже о полетах. спрометил нам телемарк. подъемник на пиц мус в зибенмюленталь и огромный баккен. каковой принято

покорять. двенадцать лет ночи в угорском сопротивлении – с учетом паралича мышц ногам срамительно быстр. груша распалась, приказ шел с самого верха, он остался – доставил устав в берлин. король скорости, ассасин, намечает восьмое июня и правильные вехи. его упущенное должностное лицо. с этого все началось. он – уже за 90 – передал столб и умер: естественной смертью на охотничьей вышке

под ворбисом. столб факелом загорелся, зашвел кауфхаус огоньком
(все тятоты ближних понес мюних ре), теория целиком разлетелась
в пух и прах, облезла на землю. мене, текел, фарес, фикс и фокуси
за фридриха ангельса, вздел поп-с ужасный приход-с. вырисовались
корпуса. а хочешь обиняками, то поздно – пора экономить – авто-
бусами едешь в оргозоло. там «дъшит убийством» каждый камень.

[врубись]

врубись и сделайся тих и точен. еще раз избавься от оков и думай подожжо. скажи: ты чувствуешь мерцание вен или нет? возможна точка входа в ответ. послание того, кто думал, что он. или будто он. тут следует кусок глубинного смысла: «я был, источники, упомянут. нашел свою приписку в списках уорнерами зарубленного полотна. приходят, визжат, кричат. равно настаивают на том, что я мол. мне

не достанет сил убедить. но я порядке». собственно текст: завтра утром, ровно в девять, здесь будет берт папенфус. хочу обсудить с ним ответственность. их условия, ряд подвижек. желаю, чтобы сартр узрел мою камеру или клаус теветайт. кессонная переноска. и врач, который тянет мне кабель. священник, зритель, гробовщик. до кучи маузер и три улаковки черных штучек. полотнища. было бы неплохо

несколько номеров ландсера и том виршей м. вулканеску. избранное избранное, наверное. мне стоит лишь придрочиться. начать писать начисто. с треском словить пинка. я бы хотел отстроиться, стареть в душевном покое, окончить пару вещичек. мне бы стодилась штывнож, пращичка. еще раз принять парад из обоженного кирпича на шрайберштрассе и на жан-амери-вег на-гора в карлсхоэ. пора бы по

поводу меня и лучше отпустить повод. старательно заточенную ложку, цевье, режущее полотно. я слышу как распевают кишки: если со мной имеет место случай, вам действовать, вы позволите мне постумно начистить рьяшку. вам решать. орел головы и решка руки. и о как все пропало: кошки, чявалэ, хеслахская стена. блистательно, впрочем, это самое, впрочем. хотя, это самое. и даже это самое. впрочем, короче.

Глаголен он также зол вельми

глагольно он также зол вельми в суть
по праву и зрелу так шествителен пре
он сказал / бросил ли – сейчас за пяту
или заточку тактически вместо вместе

с отчасти насколько неуязвим вопрос
и залогом делиться ролью во чьих ты
сам: разветвленный случай вдруга рос
вы как результат приспущенный с мачты

вливая истекшее – он глагольно чист:
быбубабубабыбабубы но без буду шей
к удо-предикату рукой кпп-объектив
подать инфинит глубже вообще-то

ведь пасут и песок в печенках: когда блок-
схема на паях спаяна из относит
– если то тогда еще? при предпрошедшем
легкоспавно добыли плавни просты

русачок

русачок угибчивый темниту на ушко
хотелось бы подбородок вот
такой уж как бы лето господне
кронштадт раскрошили (а кульман

был в голубом да в белую полосочку
из любека каковой он не снимая
нет носил как известно) но
он так зол так смел так крут прежде

в нужде (вон другие-то как от души
одеты все) боязлив кровотоков ве-
сенний «силезским» звался: завелся
от ливонии до истанбула (он не по-

давлен ли?) чем страсбург их но-
неча общим не смущаясь сближает
– тупобум такой как зажигал отжег
– яросвет-матрос-таки там лежит

сначала не так модерново

сначала не так модерново индоказуально
ибо не непохоже ткскзть на подпорки
подкожный спурт нелишне в каноз
хавчег помянуть. на задворках тампере

увидев хоть одним глазом переворот каяка
станешь как-то меньше совать нос
в джеззу. образный джазмен однако должен
многообразно подходы иметь к больцано

модена на любой вкус законно потеть как
и сообщают свое каноз бальзама укусом
с древесным дегтем (черным жирным – позже
ногтем тронуть) итд итп иту. паранойя

стоит на стреме сказать еще: забыто всё
чаще накрыть и подмыть пропасть среди
ирокезов и заново то что известно пред
положить в ближайшее время ему претит

В случае чего «спастически языкат»

в случае чего «спастически языкат»
это как со шкурами неубитых козлов
– да и что: подбить? с носка
на пяточку массив а). город о

котором мой дед утверждал будто речь
про инсбрук б). ежи которые трюфелями
зовутся с). зарубки о вроде
«задери медведя пока он не свалил».

ялла: набираем по-прежнему мы
и берем. уложимся до морковкиных
заговен со всем тем где сыскать можно
и должно нас: в случае чего языка.

и «и» здесь только слышишь намеком. и
раздираючи меха током самума но
нательная рубашка лишь у тех что
однозначно выголодали свой мир.

НО ЧТОБ ДЛЯ НАС ОТЕЧЕСТВО

**но чтоб для нас отечество не стало
покоем малым. тяжко в этом лежать
с ногами и руками. только воздух.**

к полету. при скорости пилота потока
света. дрейф линзы. глыбы льда
давно нанизаны. да будет да! на ниве

не знавшей плуга. хозяйка с дефицитом йода
как быстро утекают воды
на плаху. колотье в паху не бей.

лежа чего. дай-ка я угадаю. черт
побери ведь предлагают способ гау на
гау сменить пройдя от а до в.

всё коротко ли что почти линейно?
какая ширина разрешена длине?
в тиши струится в чистое слоистость.

но как постелишь так поссышь цитата
очевидна. трудно печь в народных
соках. отнюдь не тучен взвар

доверь проверь и в дверь. **итак**
ты нарекаешь епитимьей германии.
летучий оселочный камень. крут навар.

Да но язык

да но язык – в грозу говорит сам бог.
часто звучало в моем языке ГНЕВА
довольно он говорит за себя, думая

ведает: также меня! поднявшись в
видовой ссылке склоняется к ссылкам
отвергнутым. что ж ввергнется в небо?

я-след крадется петлистыми тропами соб-
ственных тропов в поисках быстрого сбыта.
как бита что обитает в той раме: пробег

крови по трубам заметен «по крайней мере»
пока не будет доказано обратное и связность
не обретена. даром ли неходовая цена!

ну надо же вот сказуемое: «ах это вправду
могло бы быть точно открытие зума для
животных». какая бы гитика не умелась но

мысль приходит на ум. по узким / порочным
кругам: обожествление голоса. и грома раскаты
указывают на то как непрочен мираж.

падение ража ошутимо именно «в поле»
но вымя как громоотвод – в подобных фразах
мне слышится я что выбилось в полис.

пот рожка. не сито пор 2

там милями лишь маки. цвет красный в памяти. уже не худо когда пресс ежом случается пробить. и как! призрак после небольшого спазма рассеян. сам напористо хватается за чресла:

расширенный и потный эрратив. (еле различим в дальнейшем. вероятно «прежде стикс». засим: страх на измене граничит с отчуждением / где ты недавно вы-
рос ли вы.) забей же на всё закрытой глаза и про – ради иисуса

три. благодарим! в последующем будет высекречено. но надо ли спросить: мол нервы тоже памятовали бы? рот когда живьем жует рыготу? сошьет ли она губы в отверстие и: скажет что это было б лучше. что это

по ее мнению надежнее. он кажется ей склонным взамен свои переоформить панталоны. тем самым указавши «бомж» в квазиуютном ложе. признавши смысл уже трусливо иссякая стих. и молчаливо истекает стих.

пэчворк 1

сырцовые рэкетеры в басфландии.
стойкие лучше висяки. бой
грабаркой добытой дробю. добро
пожаловать в ад брат. в лобби

жабо еды фрай корн и фанты. это
говорят отработанный пласт
погода терпимо избита. анилин и
сода: вычистил лишнее мое ты попал.

глухарь эманюрует жречество. нет скал
с избытком игры. ангора ангаров ответ
держат пас дорогу между двумя можаями.
мадьяр у доменной печи. автопортрет

в годы подпaska. крестный отец не-
когда съехал до дна: роденшток «мыль-
но-каменный». коксом называется черное.
фрезы. смутный интерес а не стать ли чехом.

благонравный еж оскара лерке

фторид-хлорид антенна дизель. но все это лишь до тех пор пока консенсус: один живет в берлине! торчит в самаре-городке другой. хук с замахом: one way ticket на базельский. дождь. стимпар. возрастающая скорость.

вот чувство глупое – буквально сразу за хеслахом они сошлись: хладнокровно планы скованы и употреблено немедленно свести за нос ЕГО (речь о каких-то жалких месяцах) нос к носу вместо обращения к насущнейшим

сезона – а лиственницы стремительно желтеют. плотно шпигован словесами заяц: явление на строку. таким образом не без оснований: кнуто-германская империя. о версификациях его – вам судить: даже в стихотворной

единице без зевгмы виден мышцы пережат
– слеза ребенка столь же важна что и ЕГО крик зверя:
во мху я! не к слову будь сказано в тот темный час
он вышел к апофегме: суди да несудим не будешь.

постижение образа вильгельмом леманом

искусство якобы есть оболочка. потроха вне
кожи неприглядны. а может можно затянуть
шрам вокруг раны? тут совсем напрасно
заморачивался гегель: для всех открыто! с двух

граней покраснение. тем красноречивее оно
фонит. многообразие прирастает. в плавающих
неопределенностях утопая. частицы словно «буи».
но чье-то избранное может тоже оказаться не грузо-

подъемным. оттого в дальнейшем фокусе
газообразнейшие из слов: абстрактные! чтобы
с («боюсь это знаток природы») помощью двух
десятков различных дефиниций описать вегетацию

бычачьих рогов. зловредно при этом настаивая на редкой
петельной структуре слоения: патентный трюк – враг
поэзии! тут привлекает все-таки размер угодий: рамка
образа описанного сорта должна быть вытоптана ногами!

ЧЕЛОВЕК ИЗ ГАММЕЛЬНА

кто не выпекал поэтический шлак – возможно
единственен! хотя и шлосбергорожденный –
тем не менее отмеченный аурой. вряд ли когда-либо
он говорил от себя. лишь позволял речи течь.

уши его на маковках. дубы навевают госпел
– без звука: «сладкозвучное катится пѣнье міровь
умиленные лики безсмертныхъ гласъ бряцающихъ арфѣ
оживляютъ сей храмъ». суть: песнь вещей

он радостно слышит. бесподобен. фигуриста на
льду чудовищный кайф. тем он обретает форму.
сестру делосца запросто вводит в энизму – обновив
благодать! но скоро небесный жених обоснуется

в нем! бывает что и причиняет. с тех пор он обходится
определенными фигурами телесной речи – да
будет ему прощено. его взгляд к червю обращенный.
и – «Гряну грозою отвѣтъ»: весь внимание червячок!

пара суждений для готлоба фреге

руссел: когда я размышляю о честности и благородстве мне сразу делается ясно что я не знаю ничего с чем мог бы сравнить непоколебимую верность истине в лице фреге. <...> когда он понял что его

фундаментальная гипотеза оплошна то реагировал на это с интеллектуальным удовольствием подавляя любое личное разочарование. это явилось чем-то даже сверхчеловеческим и сугубым свидетельством того

на что способны люди когда целиком отдаются познанию и творческой работе. витгенштейн: по окончании моей последней встречи с фреге мы стояли на вокзале в преддверии моего поезда. тут я сказал ему: вы видите

ли хотя бы малейшую несостыковку в своей теории согласно коей все числа суть предметы? он ответил: иногда мне кажется что вижу где-то тут несостыковки однако позже я перестаю их видеть.

редова

гордишься ту би а немец – верно! чемпионский
пан-германский иначе типовой дна-комплекс.
ви слюшайт общий гад под катом чисто им-
персонально даб-кластер: насхледанову зитра.
тот немопук: вы ищите себе на хлеб с ухой!

ищем выбрать пост-док-плац. факс просим
фюр эр: шён будешь славен. сливовиц
потршебы про домацност рыбы скло а пор-
целан и камутлаз-докист для «рот террор». ле-
вый ротко. брифинг бомбы. на? херна!

да лучше меньше да лучше – одер? звонить
1 – лекарь. 2 – ржига. 3 – моральный лифт.
близость лапши/кольраби. резко запах запах.
тлумочник аки бомж свободен. цо арте повера?
добавить: по цене вуршт. абер нах дем вайн

пива не можна. протекция духа этой фак-системы
(маркс). экстремистский швайн-штат. колено
на картонке. деконструкция матчастей. cd?
сиди! гляди грех-в-части. артишок-концепт.
вот кнедлики попэлка: йе ми лито нэтанцим.

ПОЛОНЕЗ

тераз флигель-гипноз фатальный полька-
ритм. попроче: ото сказочный! анализ
дактиль-клумбы дамам. курс криптоко-
декс абы литерацкий топик ксендзов.
тип поэмат/эмблемат. цифра мета-бляха

кавер – дыван: абсолютный бабель. во-
да колоньска быдла. вага? я-моя: статья
я о прусской аванюре. аванс романтики. нач-
нем аб свастика нон-стоп. страйк. штопка оз-
доб крават паивы. адидасы раскачивают дан-

цинг степ-бай-степ. выдатец: тропикальный
зялены паўнебастык працягвае нейкія думкі к
«обычно он монах». отшельник о! о бронь боже.
микс наклонений. к бунту гмах. болек и лелек
калькуляторек в пивнице шопы – на раз!

заличка краснолюду псуе иному психо гному
на кошт фрик-фрак. спа абажур. лазенка хурт
бульдозеров ще було із нащада світа. грузлица: с
филежанкой к злот-машине. вино? вина? весна?
ведень бредень: вам не вменяется отнюдь.

в карасе vs 1

волосы пеплом золотые под сувоем
а так ли тихо крыша кнайпы туесок
пустой что видно: темный тес – когда
поднимешь угол треснет. мокрицы

побегут. желание найти сукун могилы
уроборос денежного леса: без свойств без
отпечатков пальцев не в сонмах эпитрахи-
лей под сувоем ногтем но только трупа

пройтись / проспись как вспахивая поле:
так говорить на разных sprachen впервые
камни поднимать читай: от почвы все
липкий мох задерненная смерть берданка

я найду обратно как один: дорогой вместе
минуя-в-онемении: с той мшистой точки уви-
деть все в ногах тагана – хтонические тени:
тишина как ветка к тишине во время давки

в карасе vs 2

покой и дальше покой и дальше
безмолвносвечье: стремление о-
брести шаг в шаг но грязь еще
липка /легка и капюшон. какие в ка-

ртах еще ты спрятал ориентиры
– ты чей – смотрел: ведь если
встретимся то кто откуда глядеть
в валежник ведомственный

от: введение к свету на дне колодца
рука ладонью сколота с коленом
прострелена другая спит во сне
кто пожалеет гормлет инген мурхаду

кто найдет в ничтожнейших дарах
тофет тафос анахорета душою
жесткого как карнеол: спокойно
видеть сплю и вижу а что еще всё

КОПЧИК КОПЧЕН КАК НИ В ЧЕМ НЕБО

копчик копчен как ни в чем небо
в падении с футона и для / впрочем
скорее в город-гомон
укладываясь в комму и «пав»

растр осветляющ снегослеп
вот копчик он суицидом грозен
вот уроки в желтизне где сердце
брызжет парень должен гонку

вырулить с преследованием и про-
вотив назальный переправить в пар-
целляцию двух пядей расположения в изо:
просто тот слеп просто та

снег тупо стал «за нас и» в будущем
он лег: как ни в чем не бы но
спина к спине в той старой песне
двубратом строго выбеляясь в но

ТИЛЬЗИТ ЗВУЧАЛО ИМЯ ГРОМКО

тильзит звучало имя громко
вот так впервые на немецкой
мове балам баду себе подобным
приговором: мол мемель будет стерт

и кто под таллином в засаде
и в самой толще слов случаясь
палочки быть попендикулярно тран-
скрибируемы – оставшись непреклонен

так жадуя связанность жаловались они
(от дача быть чисто пытка по)
тоники ударность среди многих
в двадцатом – вильну угнетали его

лета месяцы что быть некрупна
отжим уже лишь отговорка:
недвижимость «нас» леду-
емая *рига* весьма стремна

Эберхард Хефнер

Календарь

книги-раскраски
их белая мягкость
они в корнях дескорбрия
шептали ясноглазей
ночам легковерных

завернутый в слова кварц
чист в дождливой фазе
тверд в фазе любви
терт
как фазан теперь афазия

Именуя

что движет мною
суть сны шляпы стража ночи
что движется но
суть дерева & ужи

подвижные сны шляпы стража ночи
плюс дерева & уже

не дороже фонарщика всей округи
недо свету дорожной стражи круга
недо сторожу дорожного просвета
веряй

Лицо

сорвалась штукатурка
у моей нежной с холста
рубцы чувств
выступили в цветах
наброска пера стали
тушью бесшеей
сыггить
пустошь пейзажа
спит
в межглазье
радуги дуга

валарос турка штука
у манежа стахол
чубцы тушили в устах
тахцве чува сталин
пера небраска
бестушь шей
тсыти
тошпус зажапей
псит
радуглаз в междужье

Зима

отче цумарл
матка влужку
саме стем
моеж и теще навятр кладзе
жимну ноци обца
квятами польными очиве
влосах
отец умер
мать лежит
я один
моя жизнь ложится на ветер
холоду ноци чужда
сенным цветом в копне
волос глаза

Без значения

понедельник, седьмое июля
утренняя почта мне
улыбнулась в сторону юга
обгаженное за завтраками
побережье перед отелем
сварено не так круто

я видел
как вздыбленные ежи
маневренное концертино
изредка трактовали
в гетто измочаленной речи
среди шаманов я был
далай-жопой

Возможно ли

чайки на мосту янновицбрюкке
разрешают долив шипящих
падают камнем & хлещут
мое гулящую физию пиита
дает эвкалипт пастилки
добро певучему звуку
путаются на голубом глазу губы
слушаю
фавн глазами пьян

Когда гуси покидают лежбище

всё то, чего я не могу иметь
меня согревает
вздывает плоть мою
& прошу
без плача по челке под свист секиры

я слышал огуречную клятву
ни в коем случае не ходить дальше ист-энда
отуманенным утром

серые гуси выпали поздно
из наволочек неба
мечты мои ушли по дешевке

целую стаю раздев в пух и прах
я спал расчлененный
с головой у тебя на животе
бормашина в углублении эркера
цвел трилистник

Семь потов

здесь проходит граница леса
г-н немецкая овчарка
теперь ты снова волк из ассизи
и твои ветры не пахнут
в серой зоне
ты растерзаешь мадонну
авансом
отпразднуем-ка день запала
не стоит сожалеть
до костей промерзая
двуногий волчок
взвоят и племена не по-волчьи
по причине холодной
ведь так москитам легче
мы со
участники каждый
день
луна открывает тебе свое окно

Конспирация I

сейчас уже 354-й день
мои несущие крылья кисло
пахнут
подытожил ты & марципан
ты не хочешь
танцевать в желтом снегу
на трех ногах

его песочница
слой грунта
пьяных растений таинство
кисти опасения внушает

фата-морганой
логово некой гадюки
отстраивается от воронки
мечты

вот оно как
видриган амаргас сузо & хрумпки
ля небьль

стрекоза в лаванде свою
обретает пищу
кризис-пропеллер
виноградные сахара

комедиант
в районе гринвич & гёрлиц

десять лет
простоял
покуда не размягчился

от вздорного сердца
отлегло

пурпурный мурекс подметным
письмом твой
заляпал мрамор

когда он мыльный берег

в ванной не
различил

о чем ты мыслишь
горячечный адвент
любовный героин

Прикосновение

Поверхность ладони
зарешечена квадратами сетки, нагло
линии руки прочесывают имена

ими игнорируемы преграды, их
бьется, дохнет в дерьме, в сточных водах
мелкие рыбешки между решетками

ловятся, с самого начала еще раз
внимательно: тыл запястья, списки мест
дендрарии, станции скорбного пути

вместе с координатами, найдена
крышка люка с атомным числом системы
чугунного периода, но дома

я в своем элементе, и жилище
нахмурило над моим окном три брови

Сдвиг по времени

моей матери

смесь из света и мрака
оттого что повсюду веснушки
завернуты в саван
стеклышко в дым в январе

вербная почка льдом
обмазанной вербы разве
твлена и вплетена в корзину тра
урной каймой

после, оттого что ни на
пядь не розны ширина и высота
календарно, вырвана и
вмерзла в зиму

Темный намек

Я лежал, голову спрятав
у вершины равнобедренно, изгибом плеча
обозначив углы, которые отвечали
мистериям и чувству локтя, синус
сугубо приватен, мои угловые функции

значимы, лежал
непокобелым, дыша подлунному
календарю, точка отсчета была смещена
Козима жаловалась на дисбаланс
между одержимостью и гипнозом

когда я пробудился в шатре
изголодавшись по сельди под шубой, то повезло
не сломать при спуске хребет
к тому же шея все еще коченела в грезах

Вирулентность

красивый муляж, окно в мертвой
зоне, не прыгать с парашюта
здесь идет стена

к пациентам особого рода
дышит зал ожидания, кабелями
все со всеми
стул-вертушка пригоден
к серфу

вирус (произносим «вира»), прекрасное
влюбленное в оперативную память
enfant perdu

На стенде

Тоньше волоса, можно сказать
неведомое волокно бистабильного типа
в схемах любящих пар, взаимно
исключающие две в одной
зависшие процедуры

пока они ожидают, в одиночку
скачущие кванты шредингеровского кота
две версии в одной, оба издохшие
и воскресшие, смерть
убийцей поправ

с той стороны и с этой
каждый в одиночку

Ангельское приветствие

Я оттуда, где сочится по венам
хлороводород в сливные фильтры

я туда и что вижу
тесак все еще в черепе, погружен в мысли

муж в коме, лобная лепта жены
деликатес с хладобойни

«Се, я раба Твоя, Господи...»
сказала тетушка после рюмки

дядюшка смотрит на кровь
слышу его воркование, кукареку

Ветер с востока – с запада

Врезается за тростниками
мыльный проток в залив, зыбь песок
пльвун примывает к отмели
на межину, шафранное
море балтики

зазеркально, в улыбке бабки злато
социализма обнажено, челюсть
ждет у забытой заставы
веснушки, пожелтевшие осколки
слюды

дедок, примашивается
там, где сел и съел, а если выпил
то гонит залпами
выхлопа фрицев до самой риги

Вчера и сегодня

В свадебном платье коляской
контактная линза лучится счастьем, по
без восьми двумстам ступеням
сбегают копейки к пирсу

погоды фиксируя, в фасады
тычется запущенный виноград
а под ним бронза
в цилиндре, Пушкина пыльный локон

волынцы, галичане, русины, татары да
русские, на уступах портовых
на берегу аргонавтов и лямбда это длина
периодических волн

Любезность наше всё

Выцарапанный по краю кровати, лезвием
документально подтвержден, невинно
винный, с любовью подсутившись
в охотничий рожок на манер вагантов
во всемирной паутине дуя себе

залогинен с ненадежным паролем
невосприимчив к ветрянке
в кукольном лице красные пятна, заказ
Маргариты пиццей

холодный черствый краешек
любезности для пешеходных вех, world wide

Природа, плод наших желаний

Он так неплохо обжился среди наших трав
между полей, в ржаной очищенной
мужчина, рядом с бутылкой
прямое орудия убийства, мешок пестицидов

несправедливость изгнания
уготована сорнякам, толчки, пинки, стигбанием
торса раздражаем кончики пальцев пока
в волчьем логове есть хоть одна блоха

молотит Тит, тополиный снег вчерашнего дня
собирая, и черно-голубую спорынью во ржи
над пропастью, нам давно пора
ждать урожай желаний

Последний bestseller

Его грациозная подача
это провал, проходка, прокачка
болео – ганчо – ганчо, краткий шажок танго
ближе к тебе

бог мой, затонувший Титаник
в глубокой русалочьей глотке, оркестр
whiskey on the rocks, за двойным смешанным
тянется локоть гольфиста

до самого тай-брейка вырванные
на ковер, частицы войлока, пыль из корпуса
пианино, вторая подача – браво есть
и далее уже в ритме марша

Совы после вечернего звона

Зажат секундами мой мимолетный
пульс, слегка неплотно
прилегает череп, посылает кровь далекие

сигналы бита, тихо
скрипит штурвал, прихватываемый от парусов
к мачтам, трепетна ночная

сестра, подхвачено волнами тело
несомо в подвалы своих клеток и гремит
дыхание во сне о другом сне, приснившись

низкочастотный импульс
пользуется мной, мои силуэты меня
над лагуной, совы

покуда сплю
оплачиваем мной поночник
трансформатор, днем квартира

Персоналии кожи

Безглазы окна, опечатаны
клинкера, харч подают сквозь
хавальник, вертухай круглосуточно чайник
клиентам ставит, всё настырней
стучат капли в трудновоспитуемый лоб
скажет, чего не и думал
разрешается

расцеловать сквозь стекло
нареченную кралю, на сварочных мощных дугах
на груди и на шее вдоль нервных узлов
набитую сепией икону
лижут языки змей

День дурака

М. в день рождения

Шутили вместе с апрелем, внизу
река, вверх протянута, нищим лениво

мы думали о подаянии, спасая монетами
уровень вод, не раз и не два
то Саксонию, а то Бранденбург оскудела
Шпрее
в Мюггельзее
после всего о берлинской

подлинной, хотя и дающей руке Даме
у Кепеника, этой Шпрее вендов омывшей Флеминг

Вишня под охраной природы

Цинковые белила из тюбиков
вишневый сад, на одной табличке
читаем: осторожно злая
сова дрозда дала петуха другая птица
поток ядовитых трелей
откушивая бутерброды
мы все просмотрели уши

пересмешник перед бурей
под облачным ковром, многоголоса
в начале мая гроза

Автостопом по разуму

Даже жучок, вживленный
в категории времени, пространства
причинности, слышит недержание земли

пока получатель, пусть абстрактный
созерцает свой пук, лицензия
на апгрейд сознания, либидоустойчивый

глобус меридиональных долгот
кружит на оси той, что
чтима нами как мать титанов

через границы крахов
ведет наш путь, машинерия с дефектом
вернется взад к отправителю, фабрика желаний

место интерференций, возможно вакантно

Вдыхаю ее свет пока она льет красное вино на крыши

Я знаю окно открытое на восток
в промельке секунд вижу: земля земля
на заливных лугах, вижу: русак забивает тревогу
если азимут верен, то слева идет колючий
морской воздух к розам ветров

только дернись вправо: попытка враз
сурово пресечена богами
заяц-русак, мой отец, я: двухлетний
маленький вербный котик, тонущий в тапках
чепчиком снежинка вверх

заячья лапка, вижу вижу ее
секунда: краснеет угол падения незнакома
фотоальбома иззубренная кайма

*

я знаю окно открытое на восток
условные рефлексy, я чувствую холод, пока звонят
тост, да здравствует водка, кондиционированный
воздух за панорамном окне, ну что же
чокнемся что ли: с запада адаптируются пути

*

я знаю окно открытое на восток
картофельный крахмал, снег континентально
засыпал дрейф, блочные кварталы на линии взгляда
кина не будет: идет монтаж
я квадратно-гнездово нарезаю пленку

мгновенный нагрев, трижды
упомянуто в мануале смесителя
легионеллы в бельэтаже, они мельтешат красиво
внезапно и неожиданно, оконный переплет
с крючка срывается: настезь невтерпеж

еще чуть-чуть и рванет
оттепель на крышах, с быстротой слякоти
я не раскалываюсь даже на солнце

Я трублю в свой рог

Изложенный после похода влево
косеет альтовый ключ,
порабощенная
концертино, блокадой звука
лощенная скорлупка миндальничает
наполитен пуп волнист

в гематомах подушек диванных
оба ушка на макушке,
мандолинный взвизг, тремоло
руки внутрь раструба, бескомпромиссно

доброе утро, руки вверх
ты и я и нов мой рог рожденный

Валентинов день

Тук талеров подмазал колесо Фортуны
диск о икс лучах, повод
лошадиный подтянуть
пятую спицу, глянуть, что за белка,
кто тянет жеребье
к ларькам с цветами отправляясь

я райское съел яблочко
выдавливая кучки яблок, цепочкой
пони обходили кругами билетера
с ведром воды
в котором чахли связки

кивая насвежо,
разглядывал русские горы
на карверхе, под горизонтом люд,
желудки жаловал
вкусом карривурст,
тут мертвая петля
удавкой затынула
рябое токовище Валентина

вот зажал приклад
я правыми скулою и ключицей
томились на своих жердочках зверюшки
но воздух мне цедил лишь молоко,
во что бы я ни целил

Вариант

Белое пятно на карте местности
рефлексируемый необитаемый остров
наречен понедельником, так душист
запах розовой воды ощутим
вплоть до вторника
а пепельный дождь уже назначает нам среду

мы наблюдали колебание карт
сейсмические волны, с сигар осыпался пепел
та черная среда, что происходила вчера
или завтра есть рыба, то есть десерт
от барашка и от петушка,
щипанных под один гребень

мы делаем произвольное произвольное
неправдоподобное правдоподобным
бэ это наш случай

В саду моей тети

Посуды звяк на бахромчатой с узором
цветочным фарфор,
бодензее кофейной гущи
сливочно, и малахит, едва стемнеет
у кошек их эльба

моя чаша до краев дрожащей рукой
вновь и вновь наполняется,
золотой копи лювак
воркует горлинкой в животе
и ветры не знают куда им дунуть

иголками в сене, непереваренное зерно
красных вишен кофейных,
ферментировано для гурманов
ищет в дикой природе кошачий лоток
во Вьетнаме где-то
или же просто на заднем дворе

циветты закапывают свои экскременты
но не все дерьмо, что с душком

Каменная грамматика

Укрошенный шепотом в центре агоры
Гипподам, из рук его эгейский морской
конек берет пищу, а конский каштан
и оливы заняли в античных нишах
места фигур
и заклинают мух, лиловые маки

выступают отмелями из сна
придирчивы к речным зарослям, меандр
с лужицами слюны
маловато для тонуса
многовато для поцелуев взасос, в лагуне
нёба за альвеолами штиль

я глажу останки ионических храмов
от икр прохладных колонн
к угловатым седалищам

В профиль поворачивается лишь анчоус

Не открывай плюща когда встретишь лес
вне досягаемости он
раскинут что альм альпинисту

напиши, ключицы болят, постукивают
ключи, ключница заколдованная
в сказке ключом
бьет, гвоздиками отпирает дверь

напиши, мундштук из морской пенки, рот
раскуривает красный цвет,
прежде чем начать с увядания
не иначе как за дверью чадит лес

напиши, мы могли бы лавировать
между взломщиками и бандитами,
в сказках
иначе обойтись с пунктуацией,
порой вообще обойтись без

напиши, конфликт предустановлен
одну из многих, мать-реальность любить

Допрос

Запах пороха, аромат
пиратов, время забываться в убежище
только быстро, пироги остывают,
мы сможем обойтись без мужчин,
вечно кто-то еще
торчит в кофточках
в там-таме стиральной машины

после сыплются вопросы
где взято, что стоила твоя жена
согласна, потому что была подержана
нет, подержанной взята вот только не моя
понимаю, а старая
очень
ну а твоя жена
иногда как ребенок
понимаю, плыви-ка ты с нами в Африку

На пограничном переходе

Мы стояли на запасном пути
битый клинкер щек, горнило мшисто
труба нет, разрешения, ах что
фотографируем как бог

на душу положит натурой
безглазые фрески, сцены охоты
соленые слезы прощания, белые слоны чулок
на голове, колготки в затяжках, шахматные фигуры

о перспективе промежуточного хода
предупредил гид, сказал, что сначала мол пешки
потом леди и король, пожалуйста, ждите
сейчас как раз под контролем

собака-поисковик, черна, перевес
детский мат в купе и офицер под угрозой
возможен быстрый размен, белые снова ходят
но это всего лишь базар-вокзал

Внутренний мир агнцев

Когда волк чувствует овечьи холода
агнцы слизывают
соль со щечек ножниц
клыки корчуют каракулевый лес
и по светлицам с прялкой
расхаживают жигу призраки котлет

затеплены на окоеме тьмы
торчащие кости графа Лотреамона
на горной цепи виснет его внутренний мир
кровоточат шкуры глетчеров
агнцы выпотрошены

тарханные горы пахнут Годо
терновым кустарником иудейского захолустья
занялась первая заповедь Бога
здесь начинается пустыня, ни шагу дальше

У Адмирала Бенбоу все пираты

Мы говорили с проносным, извилины
в ключичах, пациент
глотает коктейль на колесах, вновь идея
большого повода, все капли и рин-но-тама
мы потенцируем реципиенту воду, великий паводок
накатывает на нерестилища и разводит
сидящему на муках пафос его

которому мы вверяемся
пафос потиконьку в море, эти глаза снетка
в воронке винта судового,
они скорбят с табунком
морского конька, что встретил подлодку
охотницу за другими подлодками
давайте же ванну красным наполним вином
вытянем пробку
и озаботимся индугенцией

Ручная стирка

1

масштаб отвечает моей поездке
печеньем на привале запеленгована цель
«русский хлеб» прямо на скатерть, сыплет
сахар шофер, местноводные ласточки
штурмуют улицу, фланкируя
из рябиновых кущ, охристо-красные

лачуги, старина под охраной
сложенная из забубенных бревен и с мышью
совместный утренний прием пищи
мы поедаем буквы, причем ей по нраву
кириллица, в то время как я
латинскими маюскулами не брезгую

2

с этой мышью, в дождь на
Чудско-Псковском, я бы не встречался, ибо
невдомек моим ладоням как
гладить, лишь кого и что, кошачье
тельце рядышком с филеем
некогда бифштексом, по-татарски

фрау Пскова фон Ярв in flagranti
как пить дать трухлявый памятник фрегату
в портике знакомств в раю табачном
и озерная вода как алебастр
сатана там правит бал, поет водитель
а других не терпят зубоскалов

каре пальцев твердо
на щеколде, слегка надавливаю
девять мм, снят без единого
выстрела я, поспела ушица, дымится
фрау Пихква на своем камбузе
глубоко внизу järv, дом почти у края

галки-мародерши
на кладбище, кто мертвых любит
как матушка, тому и салазки в руки
взглядывает по-староверски из-под платка
говорю по-русски с немецким акцентом
доброе утро, машинально тянутся хенде хох

СОДЕРЖАНИЕ

Ульф Штольтерфот

[белена]	10
[чилибуха]	12
[датура]	14
[крокус]	16
[мускат]	18
[дурман]	20
[белладонна]	22
[вьюнок]	24
[мухомор]	26
[девять]	28
[клан]	30
[имелись]	32
[и жили]	34
[итак]	36
[есть]	38
[варфоломей]	40
[ансельм]	42

[мефодий]	44
[рох]	46
[врубись]	48
глаголен он также зол вельми	50
русачок	51
сначала не так модерново	52
в случае чего «спастически языкат»	53
но чтоб для нас отечество	54
да но язык	55
пот рожка. не сито пор 2	56
пэчворк 1	57
благодравный еж ооскара лерке	58
постижение образа вильгельмом леманом	59
человек из гаммельна	60
пара суждений для готлоба фреге	61
редова	62
полонез	63
в карассе vs 1	64
в карассе vs 2	65
копчик копчен как ни в чем небо	66
тильзит звучало имя громко	67

Эберхард Хефнер

Календарь	71
Именуя	72
Лицо	73
Зима	74
Без значения	75
Возможно ли	76
Когда гуси покидают лежбище	77
Семь потов	78
Конспирация I	79
Прикосновение	81
Сдвиг по времени	82

Темный намек	83
Вирулентность.	84
На стенде	85
Ангельское приветствие.	86
Ветер с востока – с запада	87
Вчера и сегодня	88
Любезность наше всё	89
Природа, плод наших желаний	90
Последний bestseller.	91
Совы после вечернего звона	92
Персоналии кожи	93
День дурака	94
Вишня под охраной природы	95
Автостопом по разуму	96
Вдыхаю ее свет пока она льет красное вино на крыши.	97
Я трублю в свой рог	99
Валентинов день	100
Вариант.	101
В саду моей тети	102
Каменная грамматика	103
В профиль поворачивается лишь анчоус	104
Допрос	105
На пограничном переходе.	106
Внутренний мир агнцев	107
У Адмирала Бенбоу все пираты	108
Ручная стирка	109

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

БРАТ GRIMM

книги

Бориса Бартфельда & Кшиштофа Шатравского,
Станислава Винценца, Войчеха Пестки, Щепана Твардоха,
Зигмунта Хаупта, Аншлава Эглитиса

Русский Гулливер

планирует выпустить в серии

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

книги

Игоря Белова, Тимотеуша Карповича, Даниэля Кельмана,
Иоахима Лоттманна, Моника Ринк, Збигнева Херберта

www.gulliverus.org; www.gvideon.text.express

По поводу покупки книг звонить: +7 (905) 575 41 03

Отпечатано с готового оригинал-макета

в типографии Cherry Pie

112114 Москва, 2-й Кожевнический пер. 12

GULLIVERUS

ISBN 978-5-91627-198-2

9 785916 271982